

А. Г. ВАСИЛЬЕВ

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОХОРОННЫХ ПРИЧИТАНИЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ В НОВГОРОДСКУЮ ОБЛАСТЬ)

Среди разнообразных жанров устного народного творчества особое место занимают похоронные причитания, как традиционный способ выражения горя по умершим в поэтической форме. Своеобразный рассказ-причет о жизни и смерти близкого человека, об отношении к нему окружающих требует определенного построения (композиции), способствующего целостному восприятию отдельных элементов повествования.

Первые попытки анализа композиции причитаний были сделаны Е. В. Барсовым.¹ Собиратель рассматривает построение плача, делает интересные наблюдения над соотношением переживаний плакальщицы и отдельными компонентами плача, участвующими в раскрытии этих переживаний. Но все это носит описательный характер. После Е. В. Барсова предметом специального рассмотрения плачи стали в работе М. К. Азадовского.² По-новому подошли к характеристике плачей Н. П. Андреев и Г. С. Виноградов. Анализируя содержание причитаний, они выделили основные мотивы, на которых обычно строятся плачи (обращение к покойнику с вопросами, воспоминание о прошлом, сетование на сиротство и одиночество, обращение к умершему с просьбой возвратиться, высказывание надежды на встречу и т. д.).³ Однако, выявив схему плача, исследователи не перешли к конкретному рассмотрению каждого из упомянутых мотивов. Интересный композиционный анализ находим мы в статье Г. С. Виноградова.⁴ На примере «Плача замужней сестры по брату» А. М. Пашковой Г. С. Виноградов подробно разбирает построение, выделяет постоянные мотивы, присущие почти всем причитаниям, и мотивы, обусловленные тем или иным конкретным случаем. Но разговор о компонентах, составляющих плач, сводится исследователем лишь к характеристике художественных приемов. Выделенные мотивы не даются в их соотносительности с элементами сюжета.

Эту проблему в какой-то степени решает К. В. Чистов, раскрывая особенности художественного мастерства вопленицы Ирины Федосовой.⁵

¹ Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I. М., 1872, стр. XXIII—XXVI.

² М. К. Азадовский. Ленские причитания. Чита, 1922.

³ См.: Русские плачи (причитания). Вступительная статья Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова. Л., 1937 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. XV.

⁴ Г. С. Виноградов. Карельская причеть в новых записях. В кн.: Русские плачи Карелии. Подготовка текстов и примечания М. М. Михайлова. Под ред. проф. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1940, стр. 8—13, 16—19.

⁵ К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Под ред. проф. В. И. Чичерова. Петрозаводск, 1955, стр. 266—278.

Отмечая сюжеты причитаний и методы их построения, автор работы проводит интересные параллели между содержанием плача и его композицией. Но, признавая жанровое своеобразие как похоронных, так и рекрутских причитаний, исследователь рассматривает построение их сюжета одновременно, не выделяя сюжетные особенности каждого из них.⁶ В другой работе К. В. Чистов выделяет восемь видов плачей, исполнявшихся в разные моменты обряда, и в каждом из этих видов автор статьи выделяет ряд компонентов (горестный рассказ о том, как наступила смерть; оплакивание горькой доли, и т. д.).⁷ Такими указаниями на мотивы плача ограничивается дальнейший разговор о его схеме, что, конечно, обусловлено размерами статьи и темой самого исследования.

Более детально рассматривает построение причитаний В. Г. Базанов.⁸ На конкретном примере («Плач по мужу» А. А. Меньшиковой) исследуется композиционная структура одного из пудожских плачей. В результате такого анализа автор работы приходит к выводу, что, несмотря на присутствующий всем причитаниям традиционный схематизм, «каждый плач имеет свои специфические мотивы и образы».⁹ Исходя из этого положения композиционная структура различных плачей (при проходах в армию, похоронных) рассматривается отдельно и не смешивается друг с другом. В каждом из этих видов причитаний свой план, иная тематика, новые мотивы, внесенные эпохой.

Итак, мы видим, что разные исследователи на разных этапах развития науки по-разному решали проблему построения причитаний. Предлагаемая вниманию читателей статья — попытка специального рассмотрения вопроса композиционного строения похоронных причитаний на примере плачей Новгородской области.¹⁰

От плакальщицы требуется такое построение плача, которое помогало бы слушателям представить душевные переживания исполнительницы, часто являющейся близкой родственницей покойного (мать, сестра, тетя и пр.), во всей их полноте и цельности. Плакальщица должна так сгруппировать явления, раскрыть связи и противоречия между ними, так, наконец, расположить события, чтобы созданная ею картина воспринималась в ее живом и сложном единстве, была бы образным отражением естественных переживаний как самой плакальщицы, так и других родственников покойного. Все это достигается при помощи своеобразного поэтического синтаксиса каждой исполнительницы и различных художественных средств, среди которых особое место занимает композиция плача.

Так, П. Т. Терешина в «Плаче по сыну»,¹¹ рисуя ряд картин, в которых дает образное описание отдельных отрезков своей жизни (военный

⁶ Там же, стр. 267.

⁷ К. В. Чистов. Русская причеть. В кн.: Причитания. Подготовка текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Изд. 2-е. Л., 1960 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 38—39.

⁸ В. Г. Базанов. Причитания Русского Севера в записях 1942—1945 годов. В кн.: Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. М.—Л., 1962, стр. 13—16, 35—37 (обзор мотивов см. в разделе «Примечания», стр. 557—562).

⁹ Там же, стр. 37.

¹⁰ Записи производились в 1964—1968 гг. в Новгородском, Демянском и Пестовском районах Новгородской области. Бытование похоронных причитаний в обследованных районах довольно активно. Нами записано более 50 плачей. В них хорошо соблюдается традиция в композиции, образах и изобразительных средствах, но в то же время включаются новые элементы, связанные с эпохой, с индивидуальной судьбой и эстетическими вкусами исполнительниц.

¹¹ «Плач по сыну» П. Т. Терешинной. Запись 18 октября 1964 г., дер. Верховье, Новгородский р-н, Новгородская обл. (рукописный архив автора).

и послевоенный периоды), сообщая о трудностях, выпавших на ее долю, переходит к центральной части повествования — рассказу о смерти сына, погибшего на войне. Плакальщица в данном случае отражает не только осознанную ею самую закономерность отдельных жизненных явлений, но и стремится всем содержанием плача подвести собственное сознание и сознание слушателя к пониманию «большого горюшка», вызванного военными обстоятельствами. В силу этого она так разворачивает события в причитании, так группирует отдельные картины, чтобы раскрылось основное, главное, способное воздействовать на слушателей и создать при этом определенное настроение.

Военная тема охватывает и содержание «Плача по сыну» М. В. Тихоновой. Нет слов, которыми бы можно выразить горе, принесенное людям войной:

Если б не было войны-злодей, большого горюшка,
Ты б не погибнул, мое любимое дитяtko...¹²

Отрицание войны, ненависть к захватчикам и убийцам звучит и в причитаниях, записанных на Севере во время Великой Отечественной войны.¹³ В похоронных плачах этого периода, воспроизведенных при воспоминании о погибших, особенно очевидны связи с переживаниями времени, с событиями эпохи. Широкий показ событий превращает причитание в большое лирическое повествование о судьбе целого поколения, на долю которого выпало тяжкое испытание. Так, оплакивая жену, В. А. Афанасьев переходит к событиям недавнего прошлого, описывает гибель своих сыновей на войне:

Порастеряли мы своих милых детушек,
Не засыпали мы их сырой землей,
Не провожали их в тот последний путь.
Проводила их пуля злющая,
Засыпала земля, кровью облитая.¹⁴

Показывая свое личное отношение к случившемуся, плакальщицы заставляют и окружающих (родственников, соседей, друзей покойного) прислушаться к их горю и вместе с ними еще раз пережить испытания, вызванные тяжелой войной с немецкими захватчиками. Сама смерть сына показывается матерью-плакальщицей (М. В. Тихоновой) как следствие давно минувшей войны:

Голубок ты мой беленький,
Мой сыночек родненький,
И ты во время-то во мирное
Получил скорую смеретушку
И во лесу-то ты во темным
От снаряда-то военного.

Тяжесть пережитого и личные утраты вопленица как бы иллюстрирует картинками из своей жизни, рассказом о тех трудностях, которые выпали на долю матери, оставшейся без крова с двумя малолетними детьми после войны:

Сколько я пережила-то горя великого
После войны-то Отечественной.

¹² «Плач по сыну» М. В. Тихоновой. Запись 27 сентября 1965 г., дер. Михалево, Демянский р-н, Новгородская обл. (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, разр. V, колл. 241, папка 2, № 1).

¹³ В. Г. Б а з а н о в. Причитания Русского Севера... стр. 41—43.

¹⁴ «Плач по жене» В. А. Афанасьева. Запись 2 февраля 1964 г., дер. Михалево, Демянский р-н, Новгородская обл. (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, разр. V, колл. 241, папка 1, № 25, лл. 17—18).

И у нас не осталось теплого-то гнездышка,
Только остались малые-то детушки,
Они все вились, обвивались
Около своей родной-то матушки.
А я задумала-то думу крепкую:
Что заведу делать, горькая и несчастная,
Где переночую со своими малыми детушками,
Куда приклоню свою буйную головушку,
Кто меня приютит и обогреет
Со своими-то малыми детушками?

И когда все это позади, все пережито, все выстрадано:

Я только что дождалась, милое дитяtko,
Что ты пошел со мной на тяжелую-то на работушку
Во большое чисто полюшко —

приходится терять близкого и дорогого человека. Для матери переживания военного времени не кончились.

Итак, развитие событий, введение в повествование различных по своему содержанию картин (эпизодов) и определенная их группировка служат, как и все другие средства изображения, раскрытию содержания причитания, реализации его идейно-тематического задания.

Композиционные средства различны у разных плакальщиц. Специфика содержания отдельных плачей и приемы их построения у той или иной плакальщицы определяются конкретным, присущим только данной обстановке, жизненным материалом. Так, в деревне Михалево А. В. Павлова оплакивала свою свекровь. Плач этот превратился в обвинение ее бывшему мужу, сыну покойной, который бросил пятерых детей и больную мать на попечение своей жены, а сам уехал в город и много лет подряд не заботился о них:

Не судите меня, бедну сиротинушку,
Что не каждый день обмывала, причесывала
Свою дорогую-то свекровушку.
Осудите вы, люди добрые,
Мово мужа-изменщика,
А ее сыночка роднова,
Который бросил своих деточек малых
И свою родную-то маменьку.¹⁵

Нам удалось присутствовать при исполнении этого плача А. В. Павловой на похоронах свекрови. Острые и резкие слова причитания, брошенные в присутствии молчаливо осуждающих родственников и знакомых, заставили сына покойной опустить голову.

Разнообразие жизненного материала в различных плачах требует и огромного многообразия композиционных средств. Охарактеризовать все это многообразие нельзя, но можно и нужно остановиться на наиболее важных композиционных средствах, которые широко известны, в своем роде традиционны и широко распространены почти во всех записанных нами причитаниях.

Каждая плакальщица обладает запасом традиционных образов и сравнений, но варьирует их соответственно своему вкусу, настроению. В сознании плакальщицы существует традиционная «схема», композиция плача, которая состоит из расположенных в определенной последовательности

¹⁵ «Плач по свекрови» А. В. Павловой. Запись 3 сентября 1964 г., дер. Михалево, Демянский р-н, Новгородская обл. (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, разр. V, колл. 241, папка 2, № 17).

«общих мест». Так, например, построен и «Плач по мужу» Марии Васильевой:

Вы откройтесь-ка, очи ясные,
 У моей буйной-то головушки.
 Тебе немножечко, тебе маленечко
 И погостить-то во дорогих гостях
 Да у меня-то, у бедной сиротинушки.
 Не торопитесь, суседушки приближенные,
 Выносить-то мою удалую головушку:
 Не проснется ль, не пробудится ль,
 Не окинет ли очам ясным
 Свои четыре уголышка,
 Не откроет ли уста сахарные
 И не проговорит ли со мной, бедной сиротинушкой,
 Хотя одно последнее словечушко,
 Оно остатнее, оно последнее.¹⁶

В этом плаче очевидны постоянные элементы композиции: 1) обращение к умершему, 2) призыв к нему побыть еще дома, 3) просьба к умершему ожить, сказать «хоть одно последнее словечушко».

Несмотря на использование общих мест, композиция плачей каждого исполнителя строго индивидуальна. В Пестовском районе имелись случаи, когда некоторые женщины из-за отсутствия необходимой обстановки, располагающей исполнять плачи, воспроизводили не причитание, а лишь его «схему». Композиционные элементы плача в таком случае не получали развития, не развертывались в описание и не наполнялись конкретным содержанием. Получался как бы плач «вообще», безотносительно к какому-либо субъекту. С этой точки зрения очень показательны плачи П. С. Егоровой (дер. Кайва) и Е. С. Вишняковой (дер. Кузюпино).¹⁷

В связи с этим хочется остановиться еще на одной особенности, ранее не отмечавшейся собирателями плачей. Анализ записанных нами плачей показывает, что причитание по умершему в естественной обстановке, причитание «при покойнике», отличается меньшей мотивностью, чем плач-воспроизведение, исполненный не в «присутствии» умершего, а при воспоминании о нем. В последнем случае плакальщица дает более полную картину, разрабатывает ряд мотивов, которые совершенно отсутствуют в плаче «при покойнике». Так, плачи по одному и тому же лицу, записанные в дни похорон и спустя некоторое время, совершенно отличны по своему содержанию. Во втором случае мы имеем более подробную и образную картину, чем в первом. Вероятно, в последнем случае обстановка более благоприятствует творческому процессу, в то время как присутствие умершего в доме сковывает плакальщицу. Трагизм случившегося настолько велик, что не позволяет исполнительнице выйти за рамки традиционного схематизма. Все сказанное, конечно, ни в коей мере не относится к плакальщицам «по найму», «по просьбе».

В раскрытии содержания причитания большую роль играет группировка рисуемых образов. Если в литературном произведении таких образов часто множество, то в похоронном причитании их число ограничено. Центральное место в плаче занимают образы покойного и самой вопленицы. Следующую группу составляют близкие родственники (дети, братья, сестры), от имени которых причитывает плакальщица. И, наконец, в последнюю группу входят друзья умершего, которые вместе со всеми

¹⁶ «Плач по мужу» М. Васильевой. Запись 6 декабря 1964 г., пос. Савино, Новгородский р-н, Новгородская обл. (Фольклорный архив Новгородского гос. пединститута).

¹⁷ См. материалы фольклорной экспедиции в Пестовский район Новгородской области 1968 г. в архиве Новгородского гос. пединститута.

разделяют горе, постигшее семью покойного. Реплики, вставленные в причитание от имени родственников и друзей, еще раз подчеркивают тяжесть утраты, показывают скорбь окружающих по случаю смерти человека. В общей структуре плача рисуемые образы размещаются строго в определенном порядке. На первом месте сама плакальщица, ее собственное горе и переживания, вызванные смертью близкого человека. Образ покойного проходит через все повествование, через него в плач вводятся все остальные персонажи. Кульминация часто достигается вставками-плачами от имени детей покойного, близких родственников, и только после этого предоставляется слово друзьям и знакомым умершего.

Наличие всех этих лиц в каждом причитании необязательно. Чаще всего в плаче всего два-три действующих лица: плачущая, умерший и родственники покойного. При плаче по найму образ лица, от имени которого причитывает вопленица, как бы уходит за кулисы повествования, хотя полностью и не исключается из него. Следует отметить и еще одну особенность, присущую только плачам. Умерший, сколько бы о нем ни говорилось, не является действующим лицом в полном смысле этого слова. Все его поступки только желательны, а о нем самом мы узнаем только через воспоминания и характеристики плакальщицы. Такое, можно сказать, постоянное количество образов способствует большей концентрации мыслей плакальщицы и слушателей о случившемся, помогает отбросить побочные явления и процессы и сосредоточить все свое внимание на умершем и горе, постигшем его семью, родственников и друзей.

Лирические произведения, как правило, не имеют системы событий.¹⁸ В них обычно передаются переживания автора, вызванные определенными жизненными явлениями. В плачах тоже передаются переживания, вызванные смертью близкого человека и направленные на решение того или иного внутреннего конфликта, каким является, например, столкновение случайного и необходимого в «Плаче по сыну» А. А. Романовой.¹⁹ Смерть сына А. А. Романовой, погибшего при автомобильной катастрофе, является случайной, при других обстоятельствах ее могло бы и не быть. И в то же время плакальщица оказалась перед фактом неизбежности смерти как явления вообще.

Каждая плакальщица останавливает свое внимание на конфликтах, имеющих важное значение для какого-либо определенного отрезка времени. Сюжетные истоки плачей «находятся в самой жизни, в биографии вопленицы».²⁰ Так, в плачах военного периода плакальщицами изображался великий общественный конфликт: борьба советского народа против немецко-фашистских захватчиков. В причитаниях же последних лет таким конфликтом является противоречие между жизнью и смертью, явлениями закономерными, необходимыми и одновременно противоположными и противоречащими друг другу. Сюжет рождается из анализа причин самой смерти. Сказанное нами не означает, что вопленицы обязательно рисуют современные или общественные конфликты. Они находят темы для своих причитаний и в прошлом. Это особенно заметно в плачах, исполняемых при посещении могилы умершего. Но и в таком случае, рисуя прошлое,

¹⁸ См.: Г. Л. Абрамович. Введение в литературоведение. М., 1961, стр. 133.

¹⁹ «Плач по сыну» А. А. Романовой. Запись 11 июля 1968 г., дер. Столбское, Пестовский р-н, Новгородская обл. (Фольклорный архив Новгородского гос. пед-института).

²⁰ В. Г. Базанов. Причитания Русского Севера. . . , стр. 25.

плакальщицы стремятся заставить слушателей задуматься над случайными во многих случаях причинами смерти, которых можно было бы избежать.

Итак, сюжеты причитаний имеют глубокий социально-исторический смысл, основываются на важных для определенного времени жизненных конфликтах.

Огромное значение имеет художественное мастерство построения сюжета плача и его раскрытия. Для русской причеты вообще, а военных лет особенно характерна жизненная правда. Именно поэтому на причитания следует смотреть как на своеобразный документ истории,²¹ в основу которого положены реальные жизненные явления и факты и который в отдельных случаях достигает больших философских обобщений (см. рассмотренный выше плач В. А. Афанасьева). Такому обобщению способствуют и своеобразные синтаксические конструкции, так называемые «вопросы без ответа», распространенные в причитаниях:

Скажи, родной братец,
Знал ли ты свою скорую смерётушку?..
Как подошла к тебе скорая смерётушка,
Слышало ли твое ретивое сердечушко?²²

Не получает плакальщица ответа на поставленные вопросы. Мертвые не разговаривают. И это вполне осознает А. Федорова, продолжая тем не менее спрашивать покойного. Она стала перед фактом смерти, перед необходимостью расстаться навсегда с близким ей человеком. Этим интересным диалогом с одним действующим лицом, умело вплетенным в композицию плача, еще раз подчеркивается невозможность предотвратить случившееся. Вот вывод, к которому пришла плакальщица в заключение:

И улетишь ты со своего гнездышка,
И не принесешь нам ни весточки, ни грамотки.²³

По всей вероятности, такие диалоги в свое время были парными, на что указывают и некоторые причитания, собранные Е. В. Барсовым и А. Суворовским. Смерть не представлялась плакальщице абсолютным прекращением жизни. Она воспринималась ею как перемена формы существования. Поэтому неслучайно в отдельных случаях умерший вступал в прямой диалог с исполнительницей.²⁴ В настоящее время первоначальное значение такого разговора утратилось, и данный художественный прием стал выполнять совершенно иную композиционную функцию. «Вопросы без ответа» в таком случае помогают решению большой философской темы: противоречивому единству жизни и смерти.

Сюжет в причитании не является простым, неразложимым средством изображения чувств плакальщицы. Как и в любом другом произведении,

²¹ Там же, стр. 37.

²² «Плач по брату» А. Федоровой. Запись 6 декабря 1964 г., дер. Вотоліно, Демянский р-н, Новгородская обл. (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, разр. V, колл. 241, папка 1, № 25, л. 9).

²³ Там же, л. 9. Этот мотив переключается с рассудочным умозаключением У. О. Староверовой:

Только век тое не водится,
Живой с мертвого не родится.

(Русские плачи Карелии, стр. 106)

²⁴ Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I, стр. 115 (Плач по дочери, № VIII); см. также «Плач по ребенке» Елены Денисовой в работе: А. Суворовский. Вопли Новгородской губернии. Этнографическое обозрение, 1907, № 3, стр. 90—91.

он составляет сложное целое, включающее в себя ряд элементов, к которым относятся экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка. В литературе же о плачах очень редко говорится об упомянутых выше элементах и почти ни в одном исследовании не дается развернутой характеристики последних.

Наметим на примере «Плача по сыну» О. В. Захаровой²⁵ план причитания, отражающий в какой-то мере его сюжет.

1. Рассказ о своей жизни.
2. Плач-оповещение, когда постигнутая горем женщина рассказывает присутствующим о случившемся несчастье.
3. Сетование на вынужденное одиночество.
4. Признание невозможности осуществления надежд матери: погибший не пойдет с ней «на работушку в чисто поле», не придет на свиданьице и т. д.
5. Воспоминание о погибшем на фронте «в боях жестоких» муже.
6. Наказ сыну, просьба увидеть отца и передать ему «низкой поклон».
7. Лирическое отступление (яркая картина летнего дня, мать работает на поле).
8. Встреча с «тучушкой темной».
9. Вопленица получает весть о постигшем ее несчастье.
10. Рассказ о смерти сына и ее причинах.
11. Обращение к людям с просьбой не выносить гроб с телом покойного из дому.
12. Мать просит сына оставить после себя «следочки частеньки», заломать «веточки-заломочки» и т. д.

13. Просьба к людям не опускать гроб в могилу.

14. Плакальщица благодарит всех за участие в похоронах сына.

Как видим, плач начинается вводным рассказом плакальщицы,²⁶ своеобразной экспозицией, в которой слушатель знакомится с основными действующими лицами и где в значительной мере подготовлено предчувствие возможной судьбы вопленицы и ее сына. Затем следует завязка (оповещение о смерти сына). Большое содержательное значение имеет и развитие событий, начало которым было положено вводным рассказом плачей. Здесь мы узнаем и о погибшем на фронте муже, и о тех трудностях, которые пришлось пережить матери после войны, «подымая малых детушек на скорые-то ноженьки». Кульминационный момент подготавливается всем предшествующим содержанием плача.

Яркая картина летнего солнечного дня сменяется описанием «темных тучушек», которые закрыли «ярко солнышко». По дороге домой мать получает известие о смерти сына:

Я работала во чистом полюшке
 На колхозной на работушке,
 Вдруг набежала тучушка темная
 И закрыла ярко солнышко.
 Заболело ретивое сердечушко.
 Выхожу я на широкую дороженьку,
 Направляюсь я к своей деревеньке,
 А мне несут добрые суседушки
 Да невеселую-то весточку,

²⁵ «Плач по сыну» О. В. Захаровой. Запись 23 июля 1968 г., дер. Пикалиха, Пестовский р-н, Новгородская обл. (рукописный архив автора).

²⁶ На наличие рассказа-зачина (экспозиции) в новгородских причитаниях указывал еще А. Малиновский в своей работе «Похоронные причеты в Перской волости Устюженского уезда Новгородской губернии» (Живая старина, вып. I, СПб., 1909, стр. 74—75).

Что ты погиб, мое любимое дитяtko,
И да подломились скоры ноженьки,
И да закричала громким голосом,
Ой что сердечно мило дитяtko
Да улетело серой пташечкой
От меня, бедной горящицы!

Далее следует проникнутое горьким лиризмом и богатое тропами описание обстоятельств гибели сына. Эта часть с наибольшей силой выражает эмоциональную сущность причитания: материнскому горю нет конца.

Развязка разрешает изображаемый конфликт. Смерть, как явление уже свершившееся, непреодолима. Вновь погружается плакальщица в то-скливое одиночество, просит не выносить гроб из дому, не опускать его в могилу. Но внутреннему самоутешению, основанному на этих просьбах, приходит конец, «живой с мертвого не родится». В заключение плакальщица благодарит всех за участие в похоронах сына:

И да спасибо вам, суседи приближенные,
Да что не поимели зла-то великого
Да на моего-то сыночка родного,
Да что провели его на высокое на кладбище,
Да опустили во прекрасную могилушку.

В рассмотренном нами плаче мы не встречаем эпилога. Некоторые же плакальщицы сознательно прибегают к последнему, чтобы смягчить трагизм, вызванный смертью близкого человека, его уходом из жизни. Он ушел, но дела его не забыты. О нем помнят родственники, друзья, знакомые, в их сердцах всегда будет жить образ близкого и дорогого им человека. И плакальщица своей концовкой как бы возвращает всех присутствующих к его могиле спустя несколько лет:

Настанет летечко-то теплое,
Расцветут цветочки-то аленьки,
Запоют пташки-то маленьки.
Приеду я, горькая сиротушка,
На твою прекрасную могилушку
Да стану звати, стану кликать-то
Да из земли сыночка родного.²⁷

Многие плакальщицы, следуя идущей из глубокой древности традиции, дают заключение только тогда, когда считают, что не донесли до слушателей всего трагизма случившегося. И последние строки, по их мнению, — наиболее яркое свидетельство постигнутого их несчастья. Так поступил в уже упомянутом в статье «Плаче по жене» В. А. Афанасьев:

Приду я в свое теплое гнездышко,
Посмотрю по всем четырем уголышкам. . .
Не видать и не слышать тебя,
Моя слуга верная.
Так и буду доживать
Я один одинешенек
Свои последние часы-минуточки.²⁸

Мировосприятие, отразившееся в содержании записанных нами плачей, характеризуется трезвостью, рационалистичностью, заметной в стремлении

²⁷ «Плач по сыну» Е. Ф. Яковлевой. Запись 8 июля 1966 г., дер. Филиппова Гора, Демянский р-н, Новгородская обл. (см. Фольклорный архив Новгородского гос. пединститута).

²⁸ «Плач по жене» В. А. Афанасьева (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, разр. V, колл. 241, папка 1, № 25, лл. 17—18).

достоверно передать сказанное персонажем, правдиво изобразить эпизод, событие.

Смысловая и особенно эмоциональная нагруженность содержания требует от исполнительницы особого умения ощущать слово во всем его богатстве и многообразии, что в свою очередь помогает образному восприятию текста слушателями, способствует более полному раскрытию сюжетных особенностей причети.

Таковы важнейшие элементы сюжета, наиболее распространенные в причитаниях Новгородской области. Однако не следует искать все эти элементы во всех плачах; подчас в них встречаются одни и отсутствуют другие. А иногда приходится иметь дело с совершенно бессюжетной, «статической» композицией.

Наряду с рассмотренными нами элементами сюжета новгородские причитания богаты лирическими отступлениями, так называемыми второстепенными композиционными средствами. Такие отступления, как правило, не выделяют в лирических произведениях, так как они целиком представляют собой непосредственное выражение мыслей и чувств плакальщицы. Но причитания — специфическая лирика, «лирика больших человеческих переживаний», возникшая «под впечатлением таких драматических событий народной жизни, как смерть близкого человека».²⁹ Поэтому, говоря о построении сюжета причети, мы выделяем лирические отступления в особый разряд композиционных средств, посредством которых плакальщицы показывают свое отношение к случившемуся, сообщают о возможных последствиях, обращаются к родственникам и друзьям покойного. Лирические отступления, посвященные чувствам самой плакальщицы, сливаются с думами и переживаниями слушателей,³⁰ которые воспринимают сказанное как свои собственные переживания. Так создается настроение, нужная обстановка, в которой плач является естественным выражением горя не только плакальщицы, но и всех присутствующих. Лирические отступления помогают полнее и ярче представить значение случившегося.

Благодаря лирической взволнованности такие отступления в плачах Демянского района иногда напоминают песни. Это сходство усиливают традиционные символы и параллелизмы. В лирических отступлениях часто используется прием контраста, усиливающий эмоциональную действенность произведения:

Настанет теплое-то летечко,
Я приду на твою прекрасную могилушку.
Там будут петь соловьи, залетны пташечки,
А мне станет скучненько и грустненько,
И я зальюсь, горькая сиротинушка,
Да горячими слезами ливучими.
Подойду я тут к белой березоньке
И расскажу, бедна сиротушка,
Про свое житье замужнее,
Как жила я в радости великой
Со своей удаленькой головушкой.³¹

Плачи Пестовского района менее богаты лирическими отступлениями. Параллелизмы почти не включаются в контекст и служат своего рода

²⁹ В. Г. Базанов. Причитания Русского Севера. . . , стр. 5.

³⁰ Это совершенно не обуславливает обязательное присутствие слушателей. В отдельных случаях плачи исполняются в полном одиночестве. Но и тогда плакальщица подразумевает якобы присутствующих и часто обращается к ним, просит не оставить ее в беде, помочь «при болястях и горестях».

³¹ «Плач по мужу» Н. И. Илларионовой. Запись 28 июля 1967 г., дер. Аннино, Демянский р-н, Новгородская обл. (рукописный архив автора).

экспозицией к дальнейшему развитию содержания причитания. Они обычно начинают плач, и с их помощью создается обстановка для развития сюжета.³²

Сопоставление жизни, душевного состояния плакальщицы до и после смерти встречаем мы и в «Плаче по сестре» Е. Я. Смирновой (дер. Устье-Кировское, Пестовский район). Приемы контраста общеизвестны, их часто можно встретить и в песенной лирике новгородского края. Общность художественных приемов, используемых как в русской народной песне, так и в причитаниях, вероятно, и дала в свое время основание немецкому ученому Вестфалю отнести похоронные плачи к народным песням.³³

В заключение следует сказать, что все эти композиционные приемы не всегда обдумывались плакальщицами: стройность композиции определяется традицией и естественным развитием чувств исполнительницы. Сложная композиция этих произведений намечается порядком самого обряда похорон; отдельные особенности, присущие причети, обусловлены различными по своему характеру событиями и обстоятельствами, определенными бытовыми условиями, подсказанными конкретной обстановкой. Мотивы и компоненты плача находятся в прямом соответствии с его содержанием, помогая его реализации.

Размеры данной статьи не позволяют остановиться на некоторых других особенностях, присущих композиции причети. Наш опыт композиционного анализа похоронных плачей Новгородской области представляет лишь своего рода попытку систематизировать наблюдения, накопившиеся в процессе многолетнего собирания произведений этого жанра, и ни в коей мере не претендует на сколько-нибудь завершенную систему.

³² Например:

Да красно солнышко да на восход пошло,
А все добры люди да на скорых ногах,
О да малы детушки и да все проснулись,
А уж ты и что ты, о да, сыночек миленький,
Спишь да не проснешься
и т. д.

(«Плач по сыну» Н. Степановой. Запись 20 июля 1968 г., г. Пестово, Новгородская обл., — см. Фольклорный архив Новгородского гос. пединститута).

³³ Вестфаль. О русской народной песне. Русский вестник, 1879, IX, стр. 126—127